

На замороженном окне сознания рисует мир свои узоры. Но если дыхания духа оттаиванием тайны и внесут новую мощь, то не двинется ли и сама тайна, открыв новые, мучительные дали? Но снова и дальше побредет странник, ибо возлюбил тайну свою больше самого себя. Сгущая образы в творчестве, охлаждая их в формы, он закрепляет ступени своего восхождения. Жизнь дает ему зрелища сочетаний образов, которые она сама находит. Но, как рыболов, он подстерегает в них идею. Словно эхо перекликаются сочетания идей в созерцателе. Скрещение сочетаний высекает творческую искру. Раз жизнь последовательное сочетание образов, растянутых во времени, нагнетение их в каждый его отрезок, оплодотворенным изнутри созерцанием мира, расширит жизнь, освобождая ее от ига времени и вспахивая в глубь и ширь еще неведомые земли мозговых полушарий. Священная зоркость созерцательного экстаза, внося в мир новую мысль, мелодию, образ, укореняет нас в будущем, в обретении новых связей с неистребимым. Идея сопричастия, единотельности с ведущим мир смыслом, озаряет светом нащупанной цели. Ужас мрака потустороннего, — ужас ушедшего времени и ослепшего, покинутого мира — «да не видят солнца, как выкидыш» — преодолевается в медлительном прозревании торжествующе-воскрешающего будущего, его цветущих, солнечных нив. «Есть столько зорь, которые еще не светили». И здесь радуга, мост, переброшенный к сверхчеловеку, идущему в вечность по ступеням созерцаний.

Я. Меньшиков.

От Гоголя до наших дней

«К концу плавки твердые примеси переходят в шлак; их сливают и затем приступают к литью».
(Технология металлов).

Задумываясь над обликом русской жизни сегодняшнего дня и над обликом русского человека, я не буду сравнивать дореволюционного или довоенного человека с пореволюционным. И в человеческом, как и в мертвом материале, есть свой предел внутреннего напряжения, за которым следует текучесть, то-есть такое изменение формы (для материала) и духовного облика (для человека), когда возврат к старому и форме и старому облику становится невозможным. Этот предел внутреннего напряжения перейден последней войной и последней революцией, слившимися у нас в одно непрерывное событие, в одно сверхчеловеческое усилие.

Для сравнения с сегодняшним днем я возьму русскую жизнь в совершенно твердом состоянии, еще до падения крепостного права. Посмотрим, каков был русский человек тогда и на каком мудром основании история решила: «надо расплавить».

Подчеркиваю, что меня не занимают здесь социальные, политические или экономические формы жизни. Этими исследованиями полна русская книжная семья и тут можно только спорить, чей метод лучше. Меня интересует русский человек как результат всей прежней «твердой» жизни и метод Гоголя, то-есть метод заглядывания внутрь человека, а не выведения его из внешних условий, метод отыскания таких черт его характера, которые сами являются социальным, экономическим и политическим фактором. Итак, взявши метод Гоголя, я придерживаюсь и гоголевской классификации.

1. МАНИЛОВ

Этот тип человека, который ни у какого другого из великих народов не мог бы оказать влияния на судьбу нации, есть, несомненно, один из самых хилых по природе. И по методу Дарвина, и по методу Маркса он должен быть проглочен, как задремавший карась, и стерт с лица земли уже вместе с исчезновением крепостного права, не говоря уже о социальной коммунистической революции. Даже в его-то время, на что он был годен? Разве не погнали бы его со службы, если бы сунулся? Казалось, пропадет поместье, пропадет и Манилов.

Так по Дарвину и по Марксу. А по Гоголю не так. Читая, и сейчас с трудом верится, что можно было увидеть здесь живучесть. Но Гоголь потому и есть Гоголь, что он один знает свой метод воплощения и умеет им пользоваться. Везде у него «дальний прищел» и думал он не о бытописании земли, а о будущем России.

Жив ли сегодня в России Манилов? Жив! Тысячу раз жив! Никто не станет опровергать того, что «пятилетний план» государственного хозяйства составлялся при участии Манилова. Никто не может оспаривать и того, что хозяйство России характеризуется ныне тем же, что и хозяйство Манилова и есть в большом масштабе его Маниловка или Заманиловка.

«В доме его постоянно чего-то недоставало. Прекрасная мебель, но на 2 кресла недоставало материи и они стояли обтянутыми простой рогожей. Впрочем, хозяин предостерегал: «не садитесь на эти кресла, они еще не готовы». В иной комнате и вовсе не было мебели, хотя и было говорено после женитьбы, чтобы в эту комнату хоть на время поставили мебель».

Кто не узнает Манилова по мечтательным глазам, у него есть еще характерное очертание лба:

«В его кабинете всегда лежала какая-то книжка, заложения закладной на 14-й странице, которую он постоянно читал вот уже 2 года».

2. НОЗДРЕВ

Это существо цепкое, прилипчивое, хваткое, хотя бесполезное и бестолковое. Никакой закон для него не писан: ни божеский, ни человеческий. По Дарвину он всегда выживет, как обладающий прекрасной приспособляемостью. По Марксу он должен исчезнуть в социалистическом обществе, как паразит. Его заметить и узнать гораздо труднее, чем, например, Манилова или Собакевича, но раз заметивши и узнавши, вы его откроете повсюду в советском аппарате. Сам Гоголь предостерегает от ошибок, словно предвидит, что его

внукам придется еще долго иметь дело с Ноздревым. Вот слова Гоголя о нем:

«...Может быть назовут его характером избитым, станут говорить, что нет теперь уже Ноздрева! Увы! Несправедливы будут те, которые станут говорить так! Ноздрев долго еще не выведется из мира. Он везде между нами и, может быть, только ходит в другом кафтане. Но легкомысленно-непроницательны люди и человек в другом кафтане кажется им другим человеком».

Прежде чем рассмотреть Ноздрева в новом кафтане я позволю себе оживить его образ еще несколькими цитатами.

«Во многих отношениях он был многосторонним человеком, т.-е. человеком на все руки... Он предлагал вам ехать куда угодно, хоть на край света, войти в какое хотите предприятие, менять все, что ни есть, на все, что хотите».

Это свойство означает, когда Ноздрев один, — навязывать любой хозяйственный или бесхозяйственный предмет в обмен на хозяйственный предмет; когда же Ноздревых много, это значит: навязывать любую хозяйственную или бесхозяйственную систему хозяйства в обмен на хозяйственные блага. Ноздрев не может променять лишь то, чего нет, на то, чего вы не хотите; да и то он в последнем случае попробует сначала отдубасить несчастного партнера, имевшего неосторожность с ним связаться, чтобы заставить меняться на то, чего тот не хочет вовсе иметь! Раскулачивание? Ударничество? Коллективизация? За этим всем, ведь, следует Гепеузация. Завершение всякого хозяйственного маневра всегда кончается таким же путем, как описано у Гоголя в сцене с Чичиковым после игры в шашки. Присутствие ноздревского духа сказывается, таким образом, в общегосударственной политике. Но кроме того, вы откроете Ноздрева и в отдельных учреждениях. Ноздрев незаменим во Внешторге, в Наркомснабе, а также для всякого высокоответственного вранья, особенно же в Г.П.У., Наркомюсте, Статистическом Бюро и Печати. Тут его страсть к вранью и «страстишка» нагадить...

«Есть люди, имеющие страстишку нагадить ближнему, иногда без всякой причины. Такую же странную страсть имел Ноздрев. Чем кто ближе с ним сходил, тому он скорее всех насаливал».

В сегодняшней России некоторые социальные условия не только не благоприятны для исчезновения Ноздрева, но есть многочисленные организации, представляющие, по своей природе, настоящие питомники Ноздревых.

3. СОБАКЕВИЧ

О Собакевиче не пришлось бы вспоминать, если бы не одна особенность нынешней русской жизни, а именно, что у нее есть огромный кулачище; не какой-нибудь кулак, а кулаку кулак и надо всеми кулаками кулак, — то есть, пеккий Сверхсобакевич. Кулаку иначе невозможно, как всех раскулачить, ибо в противном случае его собственный кулак недостаточно полон. Читатель, конечно, узнает его и без описания наружности, кстати сказать, в точности гоголевской, а потому, и чтоб экономить драгоценное гоголевское слово, я приведу только самое руковое его замечание насчет Собакевича:

«Кто уж кулак, тому не разогнуться в ладонь. А разогни кулаку один или два пальца, выйдет еще хуже. Попробуй он слегка верхушек какой-нибудь науки — даст он знать потом, занявши место повиднее, всем тем, которые в самом деле узнали какую-нибудь науку. Да такое выдумает мудрое постановление, что многим придется солоню».

Для наших дней и для Сверхсобакевича все в этом замечании Гоголя приходится увеличить до предельных размеров. Не «повиднее» место он занимает, а самое видное место в государстве. Не мудрое постановление он издал, а гениальное, так что не многим, а по крайней мере ста пятидесяти пяти миллионам русских людей из ста шестидесяти миллионов населения приходится голодать и трепетать в его кулаке.

4. КОШКАРЕВ

Этой фигуре, пыле каким то чудом благополучно здравствующей, дама Гоголем всего одна черта: никчемность в чистом виде, без всяких посторонних примесей. Как будто есть у него желание добросовестно взяться за труд и даже внести некоторый прогресс. Но что он может сделать, если у него вместо ума книжная терминология? Где такое чучело появится, там вместо хозяйства образуются комиссии и проекты по несколько на каждую кучу мусора, а само дело есть лишь тень бумажных творений. Увы! жив и Кошкарев, хотя он уже и не полковник, и не помещик. Умные участники пятилетнего плана свидетельствуют, что повелевает бумага и терминология, и что борьба с чучелообразным принципом совершенно невозможна во многих случаях.

5. ПОПРИЩИН

Если я себе позволяю включить это имя, как судьбоносное, то есть, причислить к числу имен до сих пор живых и оказывающих влияние на ход русской жизни, то не потому, чтобы считал его носителем качеств, присущих русскому народу. Сам Гоголь не грешил такими мыслями. Скорбящий дух его знал, что не пройдет русская судьба в добром здравьи, что наступит минута горячечного бреда, почему и сам он не мог пройти свой творческий, провидческий путь, не войдя внутрь Поприщина.

Читателю достаточно будет маленькой выписки из дневника сумасшедшего, чтобы увидеть, что есть и сегодня люди в России, подверженные бредовым идеям Поприщина, и что эти люди правят государством.

«Сегодня, однакож, меня как светом озарило: я вспомнил тот разговор двух собаченок, который слышал я на Невском Проспекте. «Хорошо» подумал я сам себе. «Я теперь узнаю все. Нужно захватить переписку, которую вели между собой эти дрянные собачонки»...

Вот и все, или почти все, что пужно выписать из Гоголя, чтобы вывести происхождение генеральной линии, генерального эффекта этой генеральной линии и генералов генеральной линии сегодняшней России. Остается сказать несколько слов читателям, но особо каждой из двух категорий читателей.

Сначала вам, правящие и господствующие и тебе, Собакевич все-русский. Так вы говорите, что вы создали на русской земле нового человека? А не гоголевские ли у вас у всех рожи, если хорошенько вас поразглядеть? Не вы ли мешаете ему родиться и душиете в младенчестве? **Но знаете, он все таки родится!** Не вы будете его родители и не вам его узнать и признать! Отчего вы так торопитесь оценить самих себя? И еще: зачем торопитесь писать рецензии на

Русскую Историю и прибавить дощечки на памятниках, в частности, на памятник царю Александру III? Мы и сами понимаем, что этот памятник не символ Русской Истории, но если уж придется, то мы дополним следующим образом:

Тебя, Самодержец Всероссийский, Князь Кавказский, Генсек Коммунистический и прочая и прочая, посадим на ту же лошадь за седлом, спиной к царю и обращенным в сторону хвоста, так как ты не любишь соперников, хотя и усопших, и в знак твоего самодержавия, в некотором смысле противоположного царскому. Царь будет натягивать узду, а ты — хлестать по крупу плеткой, с выраженьем на лице величайшего восточного воодушевления. Рядом с этим конем мы поставим другого коня, символизирующего результат предыдущего действия: с поднятыми задними ногами и неустойчивым положением обоих всадников. Впереди этих будет третий конь, худой, нервный, гибкий и горячий, с поднятыми передними ногами и совершенно чистым седлом. Ничего не придется писать на дощечках: вся символика будет разгадана любым прохожим.

Теперь тебе мое слово, лицемерный и незлобный, тонимый и душимый долготерпеливый русский человек. Не подумай, что мысли, поведенные здесь, проникнуты малодушием, хотя вспоминать и разглядывать приходится лишь такое, что подавляет и гнетет. Тут, и впрямь, можно бы отчаяться. Но разве и прежде, и теперь не было в русской жизни ничего более светлого? Если так ты подумаешь, близкий сердцу читатель, то я скажу тебе: **слона-то ты и не приметил!** Ибо кроме гоголевских типов был еще сам Гоголь, была, есть и будет любовь к Гоголю русскую людей, сиречь, любовь к чистой совести и к творящему, светлому гению, обладающему даром рождать. Этот гений и будет отцом нового русского человека.

Гордей Неелов.

О НОВОМ ЧЕЛОВЕКЕ

О ДУХОВНОЙ РЕВОЛЮЦИИ И РУССКОМ МЕССИАНИЗМЕ¹⁾

«Мировые события, двигаясь на землю, бросают перед собой свои тени».

(Момзен).

Максим. Да, брат мой, я могу предсказать тебе исход.

Юлиан. Можешь? Так открой мне его! Кто победит — Кесарь или Галилеянин?

Максим. Оба — и Кесарь, и Галилеянин исчезнут.

Юлиан. Исчезнут..? Оба..?

Максим. Оба. В наше время или через сотни лет — не знаю; но это сбудется, когда явится Истинный.

¹⁾ Некоторые места этой статьи взяты из публичных выступлений автора.